

ВТРЕННИЙ ВЫПУСКЪ

Объявленія за строку платят по
даным. ево мѣсто: въ Латвіи въ текстѣ 1 Л.
40 с. (70 р.), предл. труда 14 с. (7 р.), позади
текста 34 с. (17 р.) + 5% гор. налога.
Для заграничн 10 амер. цент. за строку.

Ред.: Рига, Мильничная 57 (ул.
Церк.) Тел.: ред. — 21219, гор. пров. —
21733 и 21334, ночн. редак. — 21334.
Главная контора и экспедитор Рига,
Мильничная ул. 57. Тел. конторы
21030, телеф. рекламнаго отдела 21235.

СЕГООДНЯ

№ 25.

ВЫХОДИТЬ УТРОМЪ И ВЕЧЕРОМЪ.

13-й г. изд.

Воскресенье.

25 января 1931 года.

Цена номера въ Латвіи 16 цент. (8 р.)
въ Литвѣ за оба нзд. 34 цент. Подписная
плата на „Сегоднѣ“ въ мѣсяць за
7 номер. въ недѣлю: въ Латвіи 4 Л. 75 цент.
заграничней 5 Л. 20 цент. или 1 амер. долларъ.
Подп. пл. на „Сегоднѣ“ и „Сегоднѣ
Вечеромъ“ (13 ном. въ нед.): въ Латвіи
Л. 6.—, амер. 8 Л. 50 с. или 1.70 америк. долл.

Антонъ Чеховъ.

Реальная эпоха. — Восемьдесятникъ. — «Хмурые люди». — Пушкинский смѣхъ. — Зоценно — наглядникъ Лейкина. — Ограница Чехова. — Молдуны слова. — Чеховская школа. — Заполвъ языкъ. — Нутряной смѣхъ.

(Изъ публичной лекціи для «Новиковъ» въ Миланѣ на тему «Пути и судьбы русскаго морала»)

Антонъ Павловичъ Чеховъ (р. въ 1860, ум. въ 1904 г.) вступилъ въ литературу въ годы отчаянія для русскаго общества. После радостной зрѣлой освобожденія крестьянъ и кипучаго десятилетия великихъ реформъ императора Александра II начало попятное движеніе. Неизгученно провалившись въ обществѣ думомъ, оптимизма и романтическимъ опусогоненіемъ, переживъ опытамъ подпольной революціи, правитель-ство вѣло въ грубую реакцію, а общество, много говорившее но не дѣлавшее политически, не сумѣло себя отъ реакціи выжить.

Особенно рѣзко сказавшись на школѣ подчиненной съ начала семидесятыхъ годовъ, классической системѣ образованія въ самомъ неудачномъ ее пониманіи, грубомъ, формальномъ, диктативномъ, классическомъ, дѣлала безразличнаго и вынужденнаго своего двойнаго шестидесяти годовъ была вѣлтъ въ эту школу привателемъ, а въ 1887 г. — директоромъ гимназіи въ бывшемъ дворянскомъ родительѣ. Классическая школа не учила въ воспитанія, она только дроссировала на повороту существованію струю, на «парамъ» (но безъ патриотизма) и формальное правосознаніе (но безъ реалистичности). Результатомъ ее было печальное поколѣніе «восемьдесятниковъ», изображенное пишущими въ строки въ довольно популярномъ романѣ того же имени.

Чеховъ, старшій меня всего лишь на два года, въ тридцатилѣтній мой въ первый литературный свиданіи былъ типичнымъ «восемьдесятникомъ». Въ мнѣ вложилъ въ жизнь съ глубокимъ отвращеніемъ къ школѣ, насъ выносившей, съ враждебнымъ недоверіемъ къ правительству, этой школѣ насъ обреченному съ высшимъ отношеніемъ къ обществу, безъумно прогрессивную свою либеральную достиженія «книжки реформы», и, отсюда, съ строгимъ разочарованіемъ въ либеральныя принципы, «отрицательныя» руководилъ и гордилъ своимъ отцомъ. Жили, не узнавая прошлаго, равнодушно принимая настоящее живлю отупевша предъ загадками будущаго. «Вѣтъ идеоловъ и безъ идеоловъ», какъ выражается одинъ изъ дѣйствующихъ лицъ моего романа.

Когда же время привело «восемьдесятниковъ» заподозрѣть потребность въ «идеѣ дѣла», они выжились для нашего познания крайне смутно, неопредѣленно, съ

удре въ чужомъ, чѣмъ разсужденіемъ, какъ и въ своей писанной методѣ, чѣмъ активное изобрѣ. Таковы почти безъ исключенія, думные въ героизмъ и героизмъ Чеховскаго творчества. Въ немъ безъумно страдалъ отъ оторы рокомъ своего робота, не прилаганого идеализма съ пошлою грубостью житейской дѣйствительности. Въ такъ какъ иначе гибнуть въ неяснана д.бо неуемнымъ направить свой идеализмъ на цѣлесообразный путь активного движенія, гдѣ не авторомъ былъ его котрива съ упрямомъ скептическимъ интеллигентскимъ «Хмурые люди» назвавъ, Чеховъ одинъ изъ первыхъ сборниковъ своихъ расказовъ, и эта книжка привлекла къ его колотанию, и самъ отъ былъ въ высшей степени «хмурый чеховецъ».

Но эти люди «хмурые» внутренне, были очень веселыми, даже можетъ быть, слишкомъ веселыми итерор. Предвостановивъ ихъ колотаніе выверженнаго интеллигентскаго шестидесяти годовъ и революціонной семидесятыхъ — «никитички» тургеневскія «Отчужъ и дѣла» и «Вѣсело» Достоевскаго, — были фантазматическія, социально-политическія заветы и, въ фантазматическомъ, почти аскетамъ въ летномъ быту (за исключеніемъ, конечно, прасеянъ) съ дѣйствіемъ «молочниковъ» типа Пьеръ Божовенскаго въ «Вѣсело». «Восемьдесятники», разочаровавшись «никитички» своихъ отчужъ, помяну, не согнала и ихъ аскетамъ. Восемьдесятные годы прошлаго столѣтія — вѣла бурно веселой молодежи, въ огромномъ большинствѣ праздну трагическое новое время, не полюбивша, что она тапнула на вылазку, и — въ тѣ гонимыя года моя рои гонимы не.

Возмущенные отчасти брашнемъ съ «овертотными» поколѣніемъ», проклиная разлетѣвшуюся насъ «кафедральную культуру... Можетъ быть, и правы были, — только... иная ли была вѣла?

И опятъ-таки, въ чуждѣ «восемьдесятниковъ», молодой Чеховъ былъ однимъ изъ самыхъ рѣзкихъ и смелыхъ. Сѣмъ въ этомъ дѣлителѣ былъ мѣломъ въ сѣмъ «Антонимъ Чеховичъ» былъ живъ, воспринимая, разрывавшемъ вѣтъ.

Знакомельно Чехова опредѣлялъ, какъ завершилъ Гоголевскаго періода русскаго литература. Мнѣ и самому случалось прежде приходить къ этому опредѣленію котрже теперь я отъвергаю, какъ безусловнотельное. Во первыхъ, Гоголевскій пе-

риодъ въ русскаго литературѣ далеко еще не завершилъ, какъ то полагали въ современныя столѣтія съ Солонгору (недавно скончавшимся), М. Горькимъ, Андрѣемъ Бѣлымъ, Александромъ Толстымъ, Ремизовымъ, Замiatинъ, и др. — всѣ отъ Гоголя, презъ Тургенева и изъ Достоевскаго съ примѣвомъ Толстото. Во вторыхъ, самъ Чеховъ, не былъ отъ Гоголя, — это оптимистическая обманъ.

Сѣмъ Чехова (покуда отъ вообще естѣственно не былъ ни гоголевскимъ, чѣмъ словъ славы; ни полагавшимъ сѣмъ «молочного таланта», какъ критикъ Максимъ Лодовскій опредѣлялъ, ближайшаго изъ Гоголевскихъ умовъ, Достоевскаго; ни глупо саркастическимъ хохотомъ «гражданинъ даяской скорби» великаго сатирика Салтыкова — Шедрина, въ истеричной «кумъ мѣта» и поэтана могучаго поэта Некрасова, Послѣдній уморъ за два года до перваго издачія Чехова въ печати. Салтыковъ прерывалъ еще всѣ восемьдесятные годы (ум. 27 апрѣля 1889), — но уже съ авангардомъ «перестройки» перестроилъ Александръ III реакціонна сатиру и публицистичку въ барышъ рои и заглодъ въ въ революціонное колотане.

Я не знаю, какъ Салтыковъ относился къ Чехову, но современнаго, колотанія и сорентности Салтыкова либералы и социаллисты упоминать пятидесятыхъ, шестидесятихъ, семидесятыхъ годовъ, вѣтривали чеховскій смѣхъ очень неодобрительно, получалъ въ молодомъ дѣлѣмъ опаснаго «судоженика». Протѣвъ художество, какъ «чистота» ристаніе шестидесятихъ годовъ, въ дѣлѣ своихъ критиковъ-публицистовъ, Добролюбова, Чернышевскаго, и въ особенности, неистоваго Писарева, вѣла опогоненную и временно усиленную волю. Обручавъ были Пушкина, бравью и насмѣиваньямъ заткнули ротъ поэтана-гиримамъ, живописца, скульптура, музыканта, приваливъ лишь въ социальное телеграфическое служакъ социально-политическому протесту.

И вдругъ — пушкинскій смѣхъ Чехова. Помяну, что это былъ обманчивъ безъ адедимымъ, безпринципнымъ, правдивымъ, а самъ Чеховъ — утѣломъ Лейкина; отенъ популярнаго, но мелкаго до пошлости, комприста специалиста по слезамъ въ купе чеховскаго дѣла, часто забывшимъ, благодаря великодушному знанію Лейкина въ чуждѣ своей малокультурной «реды» в лозкомъ фетишномъ «сѣмимымъ» словечкамъ.

Въ настоящее время лѣйкинскіе приемы воскресли и съ успѣхомъ примѣняются въ широкомъ масштабѣ популярными подпольскими юмористами Зоценно, однако, несравненно болѣе талантливый в глумленіи, чѣмъ Лейкинъ. Онъ былъ спеціально «наваривающимъ» своего словаря, почти непереводимымъ на иностранныя языки. Но теперь въ переводѣхъ словарь этотъ отпадаетъ, а Лейкина подъ шутовскою маскою не оказывается никакого лица, тогда какъ Зоценко обнаруживаетъ, лишь подъ трагическою «Горькимъ сѣмимымъ мѣломъ посмѣломъ» гласитъ, замаскированная у пророка Іереміи, глумленія въ молотъ Гоголя въ молоткомъ, Давидовомъ монастырѣ. Сѣмъ Зоценко, приторно добродушнымъ, вылитымъ горечью глумительнаго прерыванія въ средѣ, которую отъ освѣтленія, да, можетъ быть, и въ той, которая его читаетъ, заливалась хохотомъ отъ смѣхоторившихъ словъ и не замѣчалъ, что за нами прятается страшный судъ Гоголева «Генерала»: «Надъ тѣмъ смѣхоторивъ надъ собой смѣхоторивъ».

Ограница Чехова «середозно» критикомъ конца XIX вѣка было настолько рѣшительна, что одна изъ ее корифеевъ, Скандинавскій Гуголь, въ 1892 г. въ «Литературномъ обозрѣніи» сѣмимымъ глумленіемъ о глумленіи будущаго трагическаго потшника и конемъ — «замарать» пыньмъ подъ заборомъ. И, на переломъ на глѣхъ свѣлѣхъ въ литературѣ, Чеховъ, былъ ободренъ и прирѣтъ въ сѣмимымъ русскаго общества, а «правомъ» или, тогда же, безвѣртіюю его частью, съ А. С. Сувориннымъ редакторомъ — вѣлѣтнемъ националистическимъ «Извѣстіямъ» Гоголь, поговаривалъ, что «сѣмимымъ» началась уже когда Чеховъ, былъ въ полной силѣ и слава, и необходимо было признать его первенство въ тогдашней литературѣ. А, сѣмимымъ, и «престать» ему (побѣлѣтѣть не судить!) бестоварионный объективизмъ и рѣзкимъ смѣхъ добродушнаго беззаботности ко тѣмъ утонченнаго невольника Зинида Голубова (подъ псевдонимомъ Антона Крайняго) о глумленіи «томистическаго».

Опредѣленіе дѣлѣ мѣлкости. Накно до Чехова въ глумленіи глѣхъ глумленіи и драбонъ въ душу русскаго средняго чеховскаго, обманатела, — въ психологію житейскихъ мелочей его сраго быта. Настоящю чистоту психологическаго пронзительнаго смѣхъ Чехова умѣлъ глумно даже Достоевскаго, такъ какъ работавъ вѣлъ матеріаломъ, такъ болѣе мелкимъ и, казаломъ бы, не сравненно менѣе интереснымъ. Тѣмъ же, въ глумленіи Чехова, глумленіи, глумленіи, терпѣвостю только въ переломъ своемъ перидѣ «Вѣдѣмъ людей», «Слабого Сердце», «Двойника» и т. д. покажу, даже до «Дня женитѣлѣ и оскорбленіемъ» включительно, даже отъ, какъ бы боясь съ Гоголемъ смѣхъ своеобразнаго варианта «Шнедла» «Вѣлѣтнемъ сумасшедшаго» «Носомъ «Нѣтъ конца проспекта». Затѣмъ, его внимательнѣе съ собою уже почти исключительно русскій «дѣлѣмъ чеховца», выше ере-

дичи, выдающимъ положительными или отрицательными сторонами характера: Разочарованнымъ и Свидѣлѣмъ, «Преступленіемъ» в насаженіа, Голубкинъ, Настѣя Филлипова и князь Мишквичъ въ «Идеѣ», Сѣмимымъ въ «Книжкѣ» и «Литературѣ», Вѣлѣтнемъ въ «Подорожьи», всѣ сѣмимымъ Карамызовымъ не исключая даже Смердякова, морзана, но не должнаго чудовища вѣлѣтнемъ, бездѣлнша и безбожнаго.

Почти всѣ герои Достоевскаго суть какъ бы мѣромѣрия солина, и самъ онъ, — астрономъ, телескопическимъ беззаботнымъ фазис изъ затмѣнія. Наоборотъ Чеховъ (отъ же котанъ, былъ врачемъ, по образованію, да и по вѣлѣтнемъ; вѣлѣтнемъ его признаніемъ: «Сѣмимымъ въ «Книжкѣ» и «Литературѣ» — «любимыиша») работавъ вѣлъ маленькаго величинамъ изучалъ такъ микроскопически; именно на котанъ разлагалъ составъ, духовнаго существа своей современности, въ особенности, среди интеллигентной.

Еще недавно чеховца, обманывающагося, казало будто Гоголь не «реалистъ», былъ бы въ Россіи болѣе камнями. Почти такая горькая судьба постигла поэта Брестова за его рѣвъ при отрывѣхъ московскаго памятника Гоголю въ 1892 г. «Вѣлѣтнемъ», что «непеленателъ» (заглавіе рѣва) Гоголь былъ вѣлъ романтикомъ, романтикъ и, въ этомъ качествѣ, фантастическаго глумленіемъ; успѣшно пользовалъ реалистическими красками, отъ отълѣдъ не вѣлѣтнемъ средства въ члѣд. До вѣлѣтнемъ степеню — какъ Голубкинъ, казавшій на его всѣлѣе юморомъ, вѣлѣтнемъ Глѣдъ Покъ; вѣлѣ, не отразившемъ «сѣмимымъ» вѣлѣтнемъ, что «сѣмимымъ» началась уже когда Чеховъ, былъ въ полной силѣ и слава, и необходимо было признать его первенство въ тогдашней литературѣ. А, сѣмимымъ, и «престать» ему (побѣлѣтѣть не судить!) бестоварионный объективизмъ и рѣзкимъ смѣхъ добродушнаго беззаботности ко тѣмъ утонченнаго невольника Зинида Голубова (подъ псевдонимомъ Антона Крайняго) о глумленіи «томистическаго».

Чеховъ, со всемъ, исходящимъ изъ него, школо юмора, является прямымъ и рѣшительнымъ опроверженіемъ этого взгляда. Подобно Пушкину отъ юморъ-реалистъ не только по формѣ, но и по существу а совершенно чудна глумленіа, главной опорѣ и возоблѣтливый Гоголева сѣмъ Николай не фетишѣтъ несколько въ колотуру, въ натурализмъ и правду, они дѣлѣтнемъ не только беззаботныя юмористическія флѣмъ своихъ микроскопическихъ прерываніи. Они, въ строгой правдѣности своей, могли бы иногда казаться сухими, если бы не были налиты тепломъ влажно необычайнаго благодатнѣя, — любя въ чеховцу какъ въ чеховца, — не учительнотъ и не превосъ-иснесена, а вѣлѣтнемъ то, если хотѣлъ бы, казало бы, вырваться товарищескаго въ юморъ.

Въ этомъ Чеховъ глумленіа осозналъ, выше ере-

бница нашей молодости, **Чарльз Динкен** — с той разницею, что великій англійскій романистъ былъ върующимъ евангеліскимъ христіанствомъ, а Чеховъ, ученикъ нигилистовъ — шестидесятниковъ, идиный сынъ тургеневскаго Базарова, убѣжденнѣйшій материалистъ въ наукѣ, принадлежалъ къ числу тѣхъ человѣколюбцевъ, чью свободомысленную религію, не нуждающуюся ни въ метафизикѣ, ни въ символической мифологіи, довольствующуюся только этикою человѣческаго достоинства, надлежитъ определять «христіанствомъ безъ Христа». Онъ уважалъ все религіи духа, самъ не принадлежа ни къ одной.

Долгое время въ сужденіяхъ о Чеховѣ общимъ мѣстомъ было утвержденіе зависимости его отъ **Гюи де Мопассана**. Въ дѣйствительности, Чеховъ не могъ ничего взять отъ Мопассана уже потому, во первыхъ, что въ свои юные годы онъ очень плохо зналъ французскій языкъ, а, во вторыхъ, въ нашей средѣ молодыхъ «восьмидесятниковъ» Мопассанъ еще и не пользовался такимъ могущественнымъ авторитетомъ, чтобы вызывать подражанія. Это пришло въ Россію позже, къ концу восьмидесятыхъ годовъ, когда Чеховъ былъ литературною величиною уже вполне развитою и законченною. Мопассанъ и Чеховъ — два одновременныя (оба начали печататься въ 1880 г.) и однородныя явленія одной и той же интеллектуальной эпохи возникшія въ двухъ разныхъ націяхъ, не въдавая одно о другомъ.

Другое дѣло — **послѣдователи Чехова**, чеховская школа, дѣйствительно учившаяся и у Чехова и у Мопассана съ мопассанистами. Она начала слогаться очень рано, уже въ то время, когда еще даже не «Чеховъ», но «**Антоша Чехонте**», собрались въ «**Пестрыхъ**» разсказахъ свои первые опыты изъ юмористическихъ журналовъ, московскаго «**Будильника**» и петербургскихъ «**Осколковъ**» (редакціи Лейкина). Любопытно, что молодые юмористы, подражавшіе Чехову въ этомъ его періодѣ въ большинствѣ не пошли за нимъ въ дальнѣйшей его литературной эволюціи, но такъ и застыли на уровнѣ Антоши Чехонте (Н. Ежовъ, А. Лазаревъ-Грузинскій и др.). Нѣкоторые изъ нихъ оказались даже враждебными позднѣйшему Чехову. Представители этого, нынѣ уже пережиточнаго, юмора (культиваторы «сценочекъ») мѣняются еще и въ настоящее время. И, пожалуй, въ современной подсовѣтской литературѣ мы наблюдаемъ даже нѣкоторое его оживленіе, *mutatis mutandis* въ соответственной вѣку трансформациіи.

Причина та же что и въ эпоху Антоши Чехонте, подневольная **упадочность** послѣ высокаго взлета. Десятилѣтію «восьмидесятниковъ» предшествовала долгая полоса могучей либеральной сатиры, съ М. Е. Салтыковымъ-Щедринымъ во главѣ, и художественнаго бытописанія съ яркою краскою социального протеста: литература «ни

родниковъ» — Слѣпцовъ, Левитовъ, Глѣбовъ и Николай Успенскіе, Помяловскій, Кушевскій, Лейкинъ (въ молодости) и др., — либо съ охранительнымъ политическимъ уклономъ (Писемскій въ пожилыхъ годахъ, Н. С. Лѣсковъ въ среднихъ, Всеволодъ Крестовскій, Маркевичъ и др.). Были превосходные сатирическіе журналы («**Искра**» поэта Курочкина и карикатуриста Степанова; «**Свистокъ**», приложение къ Современнику» Некрасова), процвѣтала сатирическая поэзія (Некрасовъ, критикъ Добролюбовъ подъ псевдонимомъ Конрада Лиліеншвагера и Якова Хама, братья Курочкины, гр. А. К. Толстой и братья Же-чужниковы подъ знаменитымъ коллективнымъ псевдонимомъ «**Козымы Прутковъ**», Минаевъ, Жулевъ, Буренинъ и др.).

Когда реакціонная цензура Александра III зажала ротъ смѣху свободолюбивому и обличительному, а привычка въ публикѣ слышать смѣхъ осталась, спросъ на него выразился въ предложеніи смѣха, — увы, уже лишь съ дозволенія начальства, — невиннаго по темамъ и тону настолько, чтобы ни въ строкахъ, ни между строкъ не звучало ни угрозы, ни укола существующему строю съ его столпами и друзьями. (То самое, что теперь видимъ, слышимъ и читаемъ у подсовѣтскихъ Ювеналовъ, пасомыхъ желѣзнымъ жезломъ цензуры ПИУ).

Нѣкоторые изъ юмористовъ 70—80-хъ годовъ подчинились реакціи и пошли за нею по ея путямъ (талантливый Буренинъ, лишь недавно скончавшійся въ глубокой старости). Нѣкоторые пытались бороться съ нею, слѣдуя примѣрамъ, главнымъ образомъ, М. Е. Салтыкова-Щедрина, а также Н. С. Лѣскова и отчасти даже Л. Н. Толстого, путемъ иносказаній и такъ называемаго «**Эзопова языка**». Это изобрѣтеніе **Салтыкова**, онъ самъ съ горечью обзывалъ «примѣнительнымъ къ подлости». Большинство же, не борясь съ реакціей и не идя за нею, стало плодить нейтральную юмористику, безопасную по темамъ и осторожную по тону.

Это эпоха расцвѣта и господства Лейкинскаго «**нутрянаго смѣха**» — смѣха сказочнаго Иванушки Дурачка или гоголевскаго мичмана Пѣтухова, которому покажи палецъ — онъ уже смѣется. Много дарованій завязало и погибло въ этомъ болотѣ. Взявъ въ немъ и начинавшій, Антоша Чехонте, и нужна была его богатырская одаренность, чтобы выважить себя самого и указать твердый и достойный путь всѣмъ своимъ младшимъ сверстникамъ, кто его понылъ и захотѣлъ идти за нимъ. Громадность исторической роли Чехова въ русской литературѣ дѣлается наглядно повѣтнотю только тогда, когда мы сосчитаемъ, что всего десять лѣтъ отдѣляютъ дебюты **Антоши Чехонте** отъ дебютовъ Куприна, Бунина, Шмелева, Зайцева воспитанныхъ уже **Антономъ Чеховымъ**.

АЛЕКСАНДРЪ АМФИТЕАТРОВЪ.